

ВОЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ПЕРЕВОДЧИКА.

Подъ скромнымъ заглавіемъ: «Военныя Замѣтки», появилась, въ Германіи, небольшая брошюра, которая между военными людьми, вообще, сдѣлала большое впечатлѣніе. «Военныя Замѣтки», отличающіяся глубокою проницательностію, откровеннымъ изложеніемъ дѣла, замѣчательны въ особенности потому, что исходятъ отъ лица весьма почтеннаго и извѣстнаго не только своимъ высокимъ происхожденіемъ, но и тѣми военными свѣдѣніями, которыя даютъ ему право, лучше многихъ другихъ, быть судьей избраннаго имъ предмета (*).

Автору этихъ замѣтокъ угодно было объяснить онѣя публично въ Штетинѣ; съ его словъ, лицомъ неизвѣстнымъ, была составлена записка, предлагаемая здѣсь въ переводѣ.

(*) Принцъ прусскій Фридрихъ - Вильгельмъ - Николай - Карлъ, старшій сынъ Фридриха-Вильгельма, нынѣшняго короля Пруссіи.

Издатель счелъ нужнымъ приложить отъ себя предисловіе, въ которомъ коснулся предметовъ, никогда авторомъ не тронутыхъ и противъ которыхъ берлинскіе журналы протестовали.

По дѣйствительному интересу замѣтокъ, явился вскорѣ и переводъ оныхъ на французскомъ языкѣ.

«Всякій истинный патріотъ — говоритъ издатель, въ своемъ вступленіи — долженъ убѣдиться, что сила и свойство французскихъ войскъ основаны на взаимномъ личномъ довѣріи начальства и подчиненныхъ. На этомъ основаніи держится вся настоящая ихъ организація, которая, со времени бѣдствій Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, возвысила ихъ и повела къ побѣдамъ. Это могущественное устройство пережило дни тяжкихъ испытаній народа и вкоренилось въ умъ его до такой степени, что теперь едва ли кто въ состояніи передѣлать оное въ чисто механическое устройство войскъ.»

«Патріотизмъ не есть чувство, которому бы можно было обучить войско, какъ экзерциціи. Что производитъ пламенная любовь къ отечеству, того простыя усилія военныхъ уставовъ достигнуть не могутъ. Образование солдата есть нераздѣльная часть общаго народнаго образованія и основывается на благотворныхъ государственныхъ учрежденіяхъ и на обширномъ политическомъ значеніи.....»

«Къ побѣдамъ можно вести только людей, любящихъ отечество, честолюбивыхъ и понимающихъ славу: безъ этихъ качествъ самыя устроенныя войска терпятъ пораженія.»

Подобныя разсужденія изложилъ издатель въ своемъ предисловіи къ предлагаемымъ замѣткамъ, которыя, однакожь, по выраженію французскаго переводчика, доказываютъ, что въ кругу высшей военной прусской іерархіи проявляется стремленіе къ лучшему и ослабленіе старинныхъ формъ, а это дѣласть честь автору, и какъ высокому лицу, и какъ воину; во Франціи же, какъ и вездѣ, безъ сомнѣнія, пожелаютъ такихъ людей имѣть лучше друзьями, чѣмъ врагами.

СПОСОБЪ ДѢЙСТВОВАТЬ ПРОТИВЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ.

Кто воображаетъ, что Французы сражаются безъ правилъ и порядка, какъ орды Атиллы, ошибается, въ равной степени съ тѣми, которые думаютъ найти въ нихъ безусловныхъ исполнителей установленныхъ правилъ военного искусства.

Между этими двумя крайностями заключается, однакожь, истина. Конечно, французскія войска представляютъ, въ военное время, отсутствіе многихъ формальностей, которыя замѣтны въ мирное время; но чего, съ этой стороны, у нихъ недостаетъ, то замѣняютъ они практичностью различныхъ правилъ, весьма немногосложныхъ и основанныхъ на положительныхъ тактическихъ истинахъ, которыя возстановляются у нихъ чаще, чѣмъ думаютъ. Такъ, въ послѣдней итальянской войнѣ, многіе вообразили введеніе новаго способа атаки, чего вовсе не было, потому что онъ уже употреблялся генераломъ Моро, во время дѣйствій его на берегахъ Рейна.

Передъ отправленіемъ французскихъ войскъ въ Крымъ, въ Варнѣ, маршалъ Сентъ-Арно напомнилъ нѣсколько таковыхъ тактическихъ правилъ. Наставленія, которыя онъ предписывалъ, составляли извлеченіе и почти буквальное повтореніе краткихъ записокъ маршала Бюжо, по справедливости почитаемаго во французскихъ войскахъ, лучшимъ знатокомъ и наиболѣе опытнымъ въ военномъ искусствѣ новѣйшихъ временъ, который, притомъ, лучше всѣхъ постигалъ и духъ французскаго солдата. Съ давняго времени я усиливался постигнуть тѣ начала, коими Французы руководствуются въ военныхъ дѣйствіяхъ, и мнѣ кажется, что, послѣ изученія различныхъ источниковъ, я нѣсколько успѣлъ достигнуть существеннѣйшихъ.

Попробую изложить оныя, сколь можно сжато и ясно:

Первое изъ этихъ правилъ есть рѣшительное устраненіе, въ военное время, учебныхъ мирныхъ продѣлокъ и забвеніе учебнаго поля.

Весьма памятны слова Наполеона I: *«Должно измѣнять тактику каждыя десять лѣтъ, если хотятъ сохранять первен-*

ство на поляхъ сраженій). Этотъ великій полководецъ самъ еще чаще перемѣнялъ свой образъ дѣйствій; онъ употреблялъ всѣ существовавшія правила и даже потворялъ удававшіеся прежде исключительные случаи, такъ что, по моему мнѣнію, не можетъ быть и вопроса о тактикѣ собственно наполеоновской. Замѣчательно, что Мармонъ, въ своихъ запискахъ, дѣлаетъ упреки императору, что онъ: по скорому своему возвышенію изъ артиллерійскихъ поручиковъ въ главнокомандующіе, пренебрегъ основательнымъ изученіемъ тактики, а чрезъ то, вполнѣдствіи, не вполнѣ пользовался ея средствами.

У Французовъ не существуетъ правильнаго боеваго порядка и нѣтъ строя, предварительно примѣненнаго ко всякимъ случаямъ.

Способъ введенія войскъ въ дѣло предоставленъ произволу и дарованіямъ генераловъ, которые, въ свою очередь, полагаются на знаніе частныхъ начальниковъ и расторопность солдатъ.

«Французскій солдатъ все идетъ впередъ» — вотъ весь смыслъ французской тактики. Нѣтъ нужды въ порядкѣ строя — онъ зависитъ: отъ цѣли, мѣстности, дѣйствій непріятеля и преимущественно отъ ошибокъ его.

Естественное слѣдствіе такого способа дѣйствовать заключается въ томъ, что Французы въ сраженіяхъ на сѣверѣ Европы не будутъ дѣйствовать одинаково, какъ въ Италіи, и я думаю, что очень ошибаются тѣ, которые предполагаютъ, что противъ Пруссаковъ будутъ употребляемы тѣ же способы, какіе противъ Австрійцевъ. Поэтому-то мнѣ кажется бесполезнымъ изучать ихъ тактику въ войнѣ итальянской.

— Второе правило, которое скоро осваивается солдату, какъ и генералу, основано на той истинѣ, что *нравственная сила превосходитъ физическую*.

Наполеонъ выразилъ ту же мысль, сказавъ, что: «нравственная сила составляетъ три четверти успѣха, а сила физическая только четвертую часть». Все образованіе французскаго солдата на этомъ основано, и оттого у него вполнѣ развито чувство самостоятельности. Французы даже избѣгаютъ учебныхъ двустороннихъ маневровъ, потому что въ нихъ элементъ нравственный не имѣетъ мѣста и что войска должны покоряться превосходству численному.

По нашимъ понятіямъ, ихъ маневры поражаютъ насъ ничтожностью; но если мы открываемъ эти важные недостатки, будьте увѣрены, что они не возбуждаютъ ни порицанія, ни критики Французовъ. Начальникъ, *въ командованіе свое, какъ бы ни оказался не способенъ*, удаляется съ полнымъ и непритворнымъ убѣжденіемъ въ своей непогрѣшимости и въ своемъ успѣхѣ. Французскій генералъ, какъ и каждый офицеръ, идетъ въ сраженіе безъ тайнаго безпокойства, съ самонадѣянностью, увѣренный въ знаніи своего дѣла, въ своемъ мужествѣ, сколь бы мало ни было основаній для этихъ претензій. Понятна сила вліянія, какую должны имѣть подобные офицеры сравнительно съ тѣми, которые боятся критики болѣе, чѣмъ непріятеля, и которые приучены къ мелочной отвѣтственности.

Французскій солдатъ говоритъ: «у насъ нѣтъ тактиковъ»; но въ устахъ его это не упрекъ, какъ намъ можетъ казаться. Онъ судитъ своихъ генераловъ не по ихъ способности распоряжаться маневрированіемъ (для нихъ только успѣхъ рѣшаетъ вѣрность маневровъ), но по дарованію, которое они умѣютъ внушать войскамъ боевой духъ и нужное одушевленіе. И солдатъ французскій правъ, потому, чтобъ имѣть возможность вселять въ другихъ силу увлеченія, необходимо въ самомъ себѣ заключать силу воли и энергію. Эта нравственная статья военнаго искусства основывается на знаніи человѣческаго сердца и составляетъ лучшую черту величія генерала. Этотъ даръ, рѣдко ниспосылаемый человѣку, не можетъ быть приобретаемъ усиленіемъ, а солдатъ сразу и мгновенно его отгадываетъ. Это-то именно качество, вмѣстѣ съ попеченіемъ о благосостояніи солдата въ Крыму, такъ высоко поставило Макъ-Магона и Канробера во мнѣніи войскъ.

Солдаты послѣдняго съ восторгомъ и гордостью разсказываютъ, что, когда въ Крыму нужно бывало исполнить что либо трудное, онъ лично спрашивалъ ихъ: «беретесь ли вы это сдѣлать?» Отрицательнаго отвѣта не случалось, и Канроберъ тѣмъ болѣе былъ обезпеченъ въ успѣхѣ, что всѣ солдаты, зная цѣль, дѣйствовали съ полнымъ согласіемъ и одушевленіемъ. Въ обѣщаніи успѣха, которое они давали сами себѣ и генералу, заключалась сила нравственная.

Впрочемъ, Французы не пренебрегаютъ употреблять и другія средства (*machievéliques*), какъ-то: нечаянность и внезапность

нападенія, чтобъ изумить непріятеля и заставить его растеряться. Также часто, при атакахъ, для страха противниковъ, они неистово кричатъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ самихъ одушевляетъ. Видъ бронзовыхъ тюрксовъ или зуавовъ съ ихъ суровымъ взглядомъ, и ихъ неистовые крики могли бы, быть можетъ, озадачить нашихъ молодыхъ солдатъ, если бы они не были предупреждены о такомъ странномъ явленіи.

Потому-то должно предварить ихъ объ этой угрозѣ, которая, однажды сдѣлавшись извѣстною, поразитъ ихъ менѣе, чѣмъ если бы они встрѣтили ее неожиданно.

— Французами принято за правило: держаться въ сомкнутыхъ колоннахъ противъ непріятеля, мало къ маневрамъ пріученнаго и, вообще, болѣе дерзкаго и болѣе предприимчиваго, тогда какъ, напротивъ, имѣя дѣло съ войсками регулярными и хорошо обученными, они сражаются въ неправильномъ порядкѣ и въ разсыпную.

Кабилы и всѣ другіе непріятели Французовъ въ Африкѣ принадлежатъ къ первому роду сказанныхъ войскъ. Мы не будемъ распространяться о весьма основательной тактикѣ, которую для пораженія ихъ употребляютъ Французы.

Что касается втораго рода, то главнѣйше: Русскіе, Австрійцы и мы, Пруссаки, должны имѣть его въ виду. Маршалъ Боске, съ которымъ однажды я имѣлъ разговоръ объ этомъ, рассказывалъ мнѣ, что, въ одно изъ сраженій, во время осады Севастополя, онъ пустилъ на непріятеля *черныхъ дѣтей пустынь* (*les noirs enfants du desert*) или стрѣлковъ, называемыхъ тюркосы, съ крикомъ: «впередъ, вы, дѣти огня!» (*En avant, fils du feu!*) и крикъ шакаловъ былъ ему отвѣтомъ. Наклонившись, для избѣжанія пуль, тюркосы разсыпались и въ безпорядкѣ бросились на колонны Русскихъ въ штыки.

Русскіе, стоя въ густыхъ колоннахъ, по тѣснотѣ, мѣшали другъ другу, не могли свободно дѣйствовать штыкомъ и потому, не имѣя возможности защищаться, были опрокинуты.

Описывая это дѣло Тюрксовъ, маршалъ Боске сказалъ намъ про нихъ: «они какъ барсы прыгали въ кустарникахъ» (*ils bondissaient comme des pantheres dans les buissons*).

Это напоминаетъ намъ хвастовство одного Француза, который, получа семь штыковыхъ ранъ, кричалъ: «ни одинъ Русскій не можетъ гордиться полученіемъ столькихъ ранъ, потому

что нуженъ одинъ только штыковый ударъ Француза, чтобъ убить человѣка».

— Одно изъ главнѣйшихъ правилъ Французовъ, одно изъ числа тѣхъ, которое наичаще было въ употребленіи въ послѣднихъ войнахъ, заключается въ томъ, что не должно дѣйствовать безусловно въ оборонительномъ положеніи, но дѣйствовать постоянно наступательно, даже въ случаяхъ, когда приходится только защищаться.

Мы видимъ разительный тому примѣръ въ сраженіи при Монтебелло. Генераль Форей застигнутъ непріателемъ неожиданно, въ его расположеніи. Хотя малочисленнѣе, онъ тотчасъ рѣшается атаковать и всѣ свои баталіоны двигаетъ впередъ, вмѣсто того, чтобы заботиться объ обезпеченіи своего тыла и приготовленіи себѣ возможно выгоднаго отступленія. Французы смѣются надъ Австрійцами, не умѣющими пользоваться своими резервами, которые они сохраняютъ какъ бы для вида. И, дѣйствительно, для чего же резервъ, если онъ вовсе не принимаетъ участія въ сраженіи? Ужъ лучше вовсе не имѣть его.

Ничего нѣтъ столь не соотвѣтствующаго характеру Французовъ, какъ защищаться на какой либо мѣстности внѣ укрѣпленій. Говорятъ, что они тогда ничего не слушаютъ. Это вѣроятно, и въ этомъ заключается ихъ слабая сторона, которою и должно пользоваться. Они презираютъ непріателя, который только въ послѣднюю минуту рѣшается идти имъ навстрѣчу.

Полагаю возможнымъ: правило упорной обороны, какъ мы видимъ оное теперь у Французовъ, согласить съ мнѣніемъ маршала Бюжо, что «должно усиливаться употребить все возможное, чтобъ возвышать духъ нашихъ солдатъ и деморализировать духъ противниковъ».

На этомъ основаніи, не должно никогда допускать, чтобы насъ атаковали. Съ нравственной стороны, какъ и физической, должно всегда имѣть въ виду, что дѣйствительная и хорошая оборона должна перейти въ наступленіе. Движенія наступательныя, на фланги и тылъ непріателя, рѣдко не удаются. Сдѣланныя хотя горстію людей, они всегда произведутъ важное нравственное впечатлѣніе.

Эти строки представляютъ не только совѣтъ обороны наступательной, но также средства сопротивленія атакѣ, то есть

не фронтъ противъ фронта, но, какъ въ кавалерійской тактикѣ, фронтъ противъ фланга. Флангъ слабѣ фронта: какъ только ему угрожаютъ, атака парализируется, и непріятель видитъ себя въ необходимости измѣнить свой фронтъ, для встрѣчи, въ свою очередь, атаки. Этимъ маневромъ онъ рискуетъ быть атакованнымъ разомъ съ двухъ сторонъ. А потому мы должны всегда прикрывать свои фланги, по крайней мѣрѣ, взводными уступами или ротами, готовыми мгновенно построиться и дѣйствовать разсыпнымъ строемъ или колоннами идти въ атаку. При этомъ повторю слова Фридриха Великаго: «Эскадронный командиръ, который допускаетъ себя атаковать и самъ не атакуетъ, долженъ быть уничтоженъ (*cum infamia*). Прусская кавалерія должна всегда первая атаковать».

Теорія эта, составляющая таинство, которымъ долженъ быть одушевленъ кавалеристъ, требуетъ и должна быть съ нѣкоторымъ измѣненіемъ принаровлена и къ пѣхотинцу. Въ справедливости этого вседневно болѣе и болѣе убѣждаются. Будетъ непремѣнно выгодно, когда, въ рѣшительныя минуты, не станутъ ожидать, стоя неподвижно, атаки непріятеля, но сами пойдутъ ему навстрѣчу. Само собою разумѣется, что есть исключенія и что способъ, наиболѣе приличный воспользоваться этимъ правиломъ, зависитъ отъ обстоятельствъ. Такъ, на примѣръ, фронтъ, хорошо прикрытый мѣстностію, не долженъ оставить свою выгодную позицію для наступленія, но долженъ предоставить другой части атаковать противника во флангъ.

Французы, съ постоянными ихъ атаками, сражаясь съ нами на болѣе открытой, чѣмъ въ Италіи, мѣстности, понесутъ, конечно, большія потери. Но если допустить ихъ дѣлать атаки безнаказанно, то должно кончиться ихъ успѣхомъ.

Французскій солдатъ знаетъ, частію по собственному опыту, что опасность быть подъ ружейными выстрѣлами страшна только на извѣстномъ разстояніи; когда же миновать это пространство, опасность, вмѣсто увеличенія, уменьшается и, по мѣрѣ приближенія къ непріятелю, дѣлается почти ничтожною.

Съ гладкоствольными ружьями, убѣжденіе это основано на опытѣ, и оно положительно; можно думать, что съ нарѣзными ружьями должно быть то же.

Итакъ, это послѣднее обстоятельство, когда непріятель находится во ста или ста-пятидесяти шагахъ, заставляетъ и насъ

прибѣгать къ бѣлому оружію, если этому не совершенно препятствуетъ мѣстность.

Если случится Французамъ быть атакованными густою колонною, они поступаютъ слѣдующимъ образомъ, и способъ этотъ еще практичнѣе, если атака не подкрѣплена резервомъ:

При началѣ атаки противника, французскіе стрѣлки начинаютъ отступать, потомъ проворно собираются въ сомкнутый строй. Атакующая колонна, ободренная этѣмъ, подается смѣлѣе впередъ. Но стрѣлки французскіе снова разсыпаются и, съ одною или двумя за ними слѣдующими колоннами, переходятъ въ наступленіе. Стрѣлки окружаютъ непріятеля съ трехъ сторонъ. Атака непріятеля становится медленнѣе, онъ теряетъ время, онъ окруженъ, онъ уже не можетъ ни продолжать наступленіе, ни отступать, онъ принужденъ вступать въ бой, и его постигаетъ бѣдственная участь.

Французамъ внушено, въ этотъ моментъ, не убивать, а стараться брать въ плѣнъ, ибо во время, нужное для того, чтобы убить одного непріятеля, можно взять въ плѣнъ пять, шесть человѣкъ.

— Господствующая мысль въ правилахъ для стрѣлковъ французскихъ мнѣ кажется очень замѣчательною. Она почти такова: *«Пальба ружейная есть средство весьма невѣрное»*. Этотъ способъ сражаться не удобенъ потому, что составляетъ трату времени, и очень невѣренъ; слѣдуетъ стрѣлять только тогда, когда непріятель къ этому насъ не принуждаетъ, ибо самое важное заключается въ томъ, чтобы не дѣлать то, что непріятель хочетъ, а, напротивъ, заставлять его дѣлать то, что мы хотимъ. Этѣмъ не только парализуемъ непріятеля, но нравственно беремъ надъ нимъ верхъ. И потому, когда намъ стрѣлять не удобно, мы не должны никогда выставлять линію стрѣлковъ своихъ параллельно линіи непріятельской. Это было бы, повторыю, бесполезная трата патроновъ, времени и людей.

Если нужно противопоставить новую линію стрѣлковъ своихъ противъ непріятельскихъ, то это должно дѣлать фронтомъ облическимъ или противъ какого либо фланга.

Но еще лучше: если нужно произвести энергическую атаку небольшими силами, то слѣдуетъ выслать въ атаку нѣсколько взводовъ или ротъ бѣгомъ и безъ выстрѣла разорвать непріятельскую цѣпь.

По большей части, достаточно бывает угрожать нападеніемъ на фланги цѣпи, атакой оныхъ бѣгомъ и тѣмъ принуждать непріятеля переменить образъ дѣйствій.

— Мы должны обратить особенное вниманіе: на способъ атаки, усвоенный Французами, на изступленіе и на запальчивость, имъ свойственныя, чѣмъ еще Цезарь былъ пораженъ. Онъ, кажется, почиталъ первый ихъ порывъ самымъ опаснымъ, а послѣдующіе—слабѣе. Какъ бы то ни было, но пылкость атаки, *la furia francese*, революціонныхъ войнъ, еще понынѣ составляетъ національный характеръ.

Французы имѣютъ обыкновеніе, въ началѣ сраженія, потревожить непріятеля, чтобы узнать его силы и расположеніе; они дѣлаютъ наступленія по частямъ, чтобы избрать пунктъ, который имъ кажется для дѣйствительной атаки выгоднѣйшимъ. Встрѣтивъ сильное сопротивленіе, Французы отказываются отъ своего плана, до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ состояніи съ большими силами исполнить свои предположенія.

Случается, что иногда эти авангардныя стычки не имѣютъ мѣста.

Напримѣръ, въ послѣднюю войну въ Италіи, въ надеждѣ, вѣроятно, пользуясь закрытою мѣстностію, захватить непріятеля неожиданно, они начинали сразу рѣшительныя атаки. Для этого они, въ тысячѣ шагахъ отъ непріятеля, рассыпали цѣлые баталіоны стрѣлковъ, за которыми слѣдовали сомкнутыя колонны, и все вмѣстѣ дружно бросались на непріятеля.

Извѣстно, что подъ Сольферино они захватили Австрійцевъ врасплохъ, когда тѣ, едва окончивъ свой обѣдъ, выстраивались къ маршу. Они начали съ того, что бросились на передовые посты, которые едва успѣли выстрѣлить и обратились въ бѣгство; а вслѣдъ затѣмъ началось сраженіе.

Этимъ способомъ они захватили мѣстность, которую желали, и неожиданность атаки произвела нравственное впечатлѣніе. Примѣръ этотъ убѣждаетъ, что Французы не всегда прибѣгаютъ къ рекогносцировкамъ для предварительнаго ознакомленія съ расположеніемъ непріятеля: у нихъ все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Французами принято также за правило начинать дѣло лучшими частями. Третья часть баталіона (рота волтижеровъ и стрѣлковъ), обыкновенно, состоитъ изъ лучшихъ солдатъ, не исключая стрѣл-

ковъ и зуавовъ. Эти отборныя части, дѣйствительно, лучше другихъ, и онѣ даже въ мирное время имѣютъ свои преимущества. Онѣ составлены изъ людей, наиболѣе исполненныхъ честолюбія, а потеря ихъ скоро пополняется, ибо попасть въ число избранныхъ всѣ хотятъ. Обыкновенно, въ сраженіяхъ ими занимаютъ первую линію, чтобы пріобрѣсти первые успѣхи, сразу схватить нравственное преобладаніе и тѣмъ облегчить ходъ сраженія для остальныхъ войскъ.

Въ случаѣ надобности въ отважномъ нечаянномъ нападеніи, часто изъ войскъ избранныхъ вызывались охотники. Однако, въ Крымской кампаніи избѣгали вызывать охотниковъ изъ иностраннаго легіона, считавшагося въ числѣ войскъ отборныхъ, котораго всѣ солдаты вызвались бы въ охотники, и потому вызывали ихъ только цѣлыми ротами.

Во французскихъ войскахъ почитается правиломъ, что атака, съ того времени, какъ она опредѣлена, должна быть исполнена безотлагательно, съ должною быстротою, и, притомъ, стараются, чтобы перестрѣлка какъ можно менѣе длилась. Въ Италіи перестрѣлка едва ли продолжалась четверть часа, пока не прибѣгали къ атакѣ бѣлымъ оружіемъ, и нерѣдко случалось, что при атакахъ не разбивали ни одного пистона.

Впрочемъ, во французскихъ войскахъ и принято не останавливаться въ началѣ боя, для открытія огня, потому что атака теряетъ должную запальчивость и стремительность, да и потеря людей, при перестрѣлкѣ, бываетъ гораздо значительнѣе.

Кажется, теперь Французы атакуютъ всегда бѣгомъ; а чтобы не приходили они въ утомленіе, при столкновеніи съ неприятелемъ, ихъ пріучаютъ къ тому въ мирное время.

На счетъ этого они раздѣляютъ мнѣніе, что *«въ крови человѣческой есть жаръ, который, при движеніи, воспламеняется, и тотъ, кто не знаетъ этого закона природы, есть только начинающій въ военномъ ремеслѣ»*.

Слѣдующее мѣсто изъ письма маршала Сентъ-Арно къ его семейству, писанное на самомъ полѣ альминскаго сраженія и подъ свѣжимъ еще обаяніемъ побѣды, не менѣе замѣчательно. *«Анличане—говоритъ онъ—мшкали около редутовъ и цотеряли людей больше, чѣмъ я; притомъ, мои храбрые солдаты бьютъ, а Анличане маршируютъ.»*

Т. XVIII. Отд. II.

10

Итакъ, первая атака почти всегда исполняется бѣгомъ: стрѣлки подвигаются, не стрѣляя до разстоянія почти 150 шаговъ отъ непріятеля. Они не открываютъ огня, пока колонны, которыя за ними находятся, не двинутся за ними. Это понятно, потому что, иначе, далеко отдалившіеся отъ твердаго фронта стрѣлки могли бы быть принуждены къ беспорядочному отступленію. Слѣдовательно, атака цѣпи и колоннъ производится въ одно и то же время; а способъ стремительно начинать сраженіе пугаетъ робкаго непріятеля и тѣмъ доставляетъ выгоду. Если подобная атака удастся, то неизбѣжное столкновеніе разныхъ частей войскъ (причисляя къ тому и резервы, которые, обыкновенно, слѣдуютъ за колоннами) не представляетъ никакого неудобства. Но если атака отбита, то неизбѣжно происходитъ большой беспорядокъ и части войскъ перепутываются.

Французы не понимаютъ, что такое ретироваться въ порядкѣ. Они спѣшатъ только опередить другъ друга, и ихъ отступление обращается въ бѣгство: *leur fuite devient un sauve-qui-peut général*. Это составляетъ одинъ изъ главныхъ ихъ недостатковъ, изъ котораго непремѣнно должно стараться извлечь пользу, посылая въ догонку отступающихъ часть кавалеріи и пѣхоты. Тогда главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы не терять ни секунды, ибо, иначе, порядокъ можетъ скоро восстановиться.

Если Французамъ удалась атака, они преслѣдуютъ стрѣлками непріятельскія колонны, которыя сгущаются и толпятся.

Если колонны разобцены, то стрѣлки будучи легки на ходу, обгоняютъ отступающаго непріятеля, стараются окружить его и совершенно остановить; а тогда массы войскъ французскихъ спѣшатъ, чтобъ довершить пораженіе непріятеля.

При осадахъ и оборонахъ укрѣпленныхъ мѣстъ, Французы дѣйствуютъ болѣе методически, чѣмъ Германцы. Они употребляютъ сколь можно менѣе войскъ для непосредственной обороны; но за то всегда у нихъ готовы сильные резервы, предназначенные какъ для дѣйствія на фланги противника, внѣ укрѣпленій, такъ и вообще для отраженія его атакъ. Эту осмотрительность почти всегда упускаютъ изъ вида Германцы, ибо они, по обыкновенію, употребляютъ весьма значительное число войскъ для непосредственнаго занятія укрѣпленій.

Способъ овладѣнія укрѣпленіемъ также отличенъ отъ на-шего. Часто, вмѣсто того, чтобы довольствоваться занятіемъ укрѣпленнаго пункта, мы вовлекаемся въ безпорядкѣ въ бой и въ преслѣдованіе непріятеля, свыше цѣли дѣйствія.

Слѣдствіемъ этого увлеченія случалось, что, встрѣчая свѣжія войска, мы были легко опрокидываемы и теряли возможность удержаться во взятомъ нами укрѣпленіи. Непритель снова овладѣвалъ онимъ, бой возобновлялся; мы были изнурены, мы теряли. Французы, напротивъ, никогда не преслѣдуютъ непріятеля тѣми войсками, которыя употреблены были для овладѣнія укрѣпленіемъ. Они войска эти оставляютъ гарнизономъ укрѣпленія, баррикадируя выходы и прочее, и, буде нужно, предоставляютъ другимъ войскамъ преслѣдованіе непріятеля. Они знаютъ, что не возможно всего достигнуть сразу, однимъ уси-ліемъ, и потому довольствуются успѣхомъ умѣреннымъ, пред-принимая все нужное, чтобы утвердить за собою побѣду, какъ бы она маловажна ни была, откладывая дальнѣйшую до бу-дущаго.

Итакъ, я достигъ желаемой цѣли. Мнѣ остается сказать ми-моходомъ, что ночныхъ атакъ Французы не дѣлаютъ.

Они какъ бы боятся ихъ дѣлать, вѣроятно, потому, что обыкновенный безпорядокъ ихъ строя обратится въ совершен-ное разстройство. Извѣстно, изъ старинныхъ военныхъ описаній, что не разъ они бывали объаты паническимъ страхомъ ночью, и даже днемъ, и это подтверждается случаемъ, происшедшимъ по полудни на другой день побѣды ихъ подъ Ваграмомъ.

Въ заключеніе, присовокупимъ, что Французы для атакъ употребляютъ колонны различныхъ видовъ и разставляютъ онія весьма разнообразно: такимъ образомъ, они покровительствуютъ свои фланги, какъ для атаки, такъ и для обороны, постепенно вводятъ части въ дѣло, скрываютъ, по возможности, большую часть своихъ силъ, всегда для дѣйствія готовыхъ. Этотъ способъ дѣйствовать очень напоминаетъ облическій боевой порядокъ Фридриха Великаго, и я, впрочемъ, положительно утверждаю, что, въ этомъ отношеніи, Французы дѣйствуютъ подражательно.

Точно то же относительно большей части правилъ, о кото-рыхъ я говорилъ. Они болѣе или менѣе заключаютъ въ себѣ

тактическія истины; но, вмѣсто того, чтобы быть происхожденія чисто французскаго, они бывали употребляемы нашими генералами, съ большимъ или меньшимъ счастьемъ. Итакъ, отъ каждаго изъ насъ зависитъ воспользоваться ими въ будущемъ практически, что тѣмъ для насъ будетъ легче, что мы не будемъ въ необходимости углубляться въ ихъ изученіе. Исторія служить для нашего убѣжденія, что правила эти не есть исключительно изобрѣтеніе Французовъ, ни непосредственное слѣдствіе ихъ народнаго характера.

Мы можемъ, пока есть время, изучить это. Минувшія событія послѣдней войны говорятъ сильнѣе всего того, что можно бы было еще добавить. Всѣ могли убѣдиться въ истинѣ, вписанной монументально на страницахъ исторіи: что Русскіе и Австрійцы были побѣждаемы Французами. Сами Англичане, руководимые еще тактикою Веллингтона, нравственно ими обойдены.

Теперь, если Пруссія задаетъ себѣ щекотливый вопросъ: какова будетъ наша участь въ войнѣ противъ Французовъ? — отвѣчу: мы можемъ ихъ побѣдить, и мы ихъ непремѣнно побѣдимъ, если, въ военное время, не будемъ слѣпо держаться рутины учебнаго поля, уставныхъ требованій и нашей системы разсыпнаго строя. Въ этомъ-то состоитъ затрудненіе, объ этомъ-то единственно мой страхъ. Устарѣлыя системы образованія войскъ должны быть измѣнены, и, слава Богу, мы имѣемъ другія средства и сумѣемъ ими воспользоваться.

Не разъ уже намъ удавалось опрокидывать полчища императора Галловъ, а что мы уже дѣлали, то, съ помощію Божію, можемъ повторить и въ будущемъ.

Во второй половинѣ «Военныхъ Замѣтокъ», авторъ отвѣчаетъ нѣкоторымъ критикамъ на замѣчанія, сдѣланныя на счетъ нѣкоторыхъ мѣстъ его труда, здѣсь переведеннаго, и по этому случаю вдается въ нѣкоторыя техническія подробности, которыя мы считаемъ излишнимъ здѣсь помѣщать. Это значило бы превзойти нашу цѣль, заключающуюся въ томъ только, чтобы сдѣлать извѣстнымъ сужденіе просвѣщеннаго военнаго человѣка о нашихъ войскахъ, прямоудшіе, съ которыми апплодируетъ

онъ достоинствамъ французской тактики, и, въ особенности, высокое мнѣніе, которое имѣеть онъ о мыслительной способности и нравственныхъ качествахъ французскаго солдата.

Однакожь, какъ ни велико уваженіе къ французскимъ войскамъ и къ способамъ ихъ дѣйствій, авторъ протестуетъ противъ приписываемаго ему желанія ввести оныя въ его отечественныхъ войскахъ.

Есть — говорить онъ — три необходимыя условія, чтобы сдѣлать армию прусскую способною побѣждать французскую: первое — развить военныя качества одиночно въ каждомъ солдатѣ; второе — дать армиі начальниковъ, имѣющихъ полныя познанія о дѣйствіи всѣми тремя главными родами оружія, и, наконецъ, третье — противопоставить Французамъ, къ войнѣ привыкшимъ, тактику, болѣе разнообразную и болѣе войнѣ приличную.

Первое условіе наиболѣе обращаетъ вниманіе автора: человекъ — говорить онъ — состоитъ изъ разума, души и тѣла. Разумомъ и душою онъ управляетъ тѣломъ, и потому прежде всего въ человекѣ должно развить эти способности. Видно, что авторъ имѣеть всегда передъ глазами свой военный идеаль, французскаго солдата, какъ штыкъ, мыслящею способностію одаренный. Онъ хочетъ внушить своимъ солдатамъ (которые обучены болѣе французскихъ) ту пылкость и боевой духъ, которые составляютъ народныя качества Французовъ.

Что касается до новой тактики, имъ предлагаемой, то вотъ главныя основанія:

- 1) Употребленіе стрѣлковыхъ ротныхъ колоннъ.
- 2) Посредствомъ ротныхъ колоннъ увеличить подвижность пѣхоты и сдѣлать для нея поле болѣе свободнымъ.
- 3) Располагать войско болѣе въ глубину, чѣмъ въ ширину, что увеличиваетъ силу обороны фланговъ и удерживаетъ отъ скорого истощенія силъ.
- 4) Располагать войско скорѣе уступами, чѣмъ шахматно, что составляетъ лучшій способъ для опоры и для поддержанія стремительныхъ атакъ стрѣлковъ, бросающихся бѣгомъ въ штыки.

По развитіи своихъ заключеній, авторъ «Военныхъ Замѣтокъ» оканчиваетъ такъ:

«Если нынѣшняя французская армія, быть можетъ, еще превосходитъ и, во всякомъ случаѣ, многочисленнѣе, чѣмъ гордели-

вые остатки той, которую мы побѣждали въ 1813, 1814 и 1815 годахъ, мы должны и въ нашей арміи найти тѣ же преимущества и успѣхи. Итакъ, воскликнемъ: *чѣмъ болѣе непріятелей, тѣмъ болѣе чести!* Да возгласъ французской арміи *впередъ*, заглушится крикомъ: *впередъ, за короля и отечество!*

Пер. съ французскаго СЕРГѢЙ ВЕСЕЛЕНСКІЙ.
